

В упомянутой повести П. И. Шаликова роцца становится своеобразным посредником между Эрастом и Ниной. Героиня «на каждой гладкой коре дерева» «вырезывала милое, бесценное ей имя». ¹¹⁰ Разлученный с возлюбленной, Эраст идет в рощу, «находит на коре одного дерева свое и ее имя, соединенные гирляндой с подписью: „Симпатией и небом!“» ¹¹¹

Какими бы наивными не казались подобные проявления чувств, но это были штрихи, верно отражавшие эпоху. Читатели подражали литературным героям, стремясь продемонстрировать возвышенность и утонченность своих переживаний. Так, С. Н. Глинка вспоминал, что его дядя и крестный отец Андрей Ильич Глинка, «лишась первой супруги своей... уныло бродил по роцам и дубравам и вырезывал на деревьях имя ее». ¹¹²

Самая способность наслаждаться природой, видеть и ценить ее красоту становится одним из важнейших качеств «чувствительного» человека, а следовательно, и «чувствительного» героя.

Упомянув о том, что И. И. Дмитриев «был чрезвычайно восприимчив к красотам природы», М. А. Дмитриев рассказывает: «Садоводство, или лучше сказать, зелень деревьев и луга английского сада — это было его страстью!» ¹¹³ И. М. Долгорукий в издании своих стихотворений помещает виньетку, где изображен «чувствительный» человек, сидящий в саду с книгой в опущенной руке и предающийся своим мечтам. В отдалении среди деревьев заметен небольшой памятник в виде урны.

Чтение, меланхолические мечты, размышления и воспоминания — все это происходит обычно на лоне природы, в излюбленном живописном уголке, располагающем к соответствующему настроению. Нередко целью прогулки оказывается наблюдение восхода или заката солнца. При этом во многих пейзажных зарисовках заметна известная нарочитость, а иногда и прямая ориентация на излюбленные образцы живописи. Так, прозаический этюд В. Полякова «Заходящее солнце» начинается следующим образом: «Здесь, в прохладе веющего зефира, в тени густолиственного вяза, буду я рассматривать заходящее солнце. Великолепное зрелище для любителя Природы! Прекрасный ландшафт для живописной кисти Сальватора Розы!» ¹¹⁴

Используя опыт живописи и садово-паркового искусства, литература в свою очередь помогала их развитию, способствовала эстетическому восприятию природы. Образованный человек конца XVIII—начала XIX в. гордился тем, что отношение к природе отличало его от «старинных помещиков». Вспоминая о недавнем прошлом, М. А. Дмитриев писал: «...мы любим картины природы: тогда о них не имели понятия... Нравы были совсем не поэтические и не изящные, а природы вовсе не было! — Как не

¹¹⁰ Русская сентиментальная повесть, с. 191.

¹¹¹ Там же, с. 200.

¹¹² Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895, с. 12.

¹¹³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти, с. 132.

¹¹⁴ Утренняя заря, 1800, кн. 1, с. 145.